

Харитоненко Е. И.

Киев

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ПРЕТЕКСТ
В НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ “ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ”
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Наличие лермонтовского элемента в тексте “Записок из подполья” очевидно. Однако, концептуальной разработки эта тема не получила. Исследование В. И. Левина¹ представляет ряд ценных наблюдений, но вывод о разоблачении индивидуализма путем введения лермонтовских цитат не исчерпывает сути вопроса. Взаимодействие претекста и фено-текста в данном случае раскрывается не только на уровне контрафактур, но также в аспектах функционирования психологического эксперимента, который в свою очередь определяет тип “антигероя” и обуславливает маргинальность повествовательной структуры в целом.

Проблема психологического эксперимента затронута в работе Л. И. Журавлевой.² Исследовательница обратила также внимание на различие в дистанцировании позиции автора у обоих писателей. В связи с этим выделим: не только герой-резонер “Записок из подполья”, но и сам Достоевский наследует пещоринское пристрастие к психологическому эксперименту.

Эти проблемы определяют цели настоящего исследования: 1) выделить в данном произведении все лермонтовские цитаты, аллюзии, реминисценции и парафразы; 2) проанализировать их роль и функции; 3) определить типологическое сходство природы и использования психологического эксперимента в произведениях Лермонтова и Достоевского.

Прежде всего, необходимо описать все существующие филиации “Записок из подполья” с текстами Лермонтова.

1. Мотивы болезни и озлобленности открывают повествование, что корреспондирует с целым корпусом произведений мировой литературы. Вспомним, первоначальное название задуманного Достоевским романа — “Исповедь”. Несомненная ценность текста мотивируется, как и у Лермонтова, тем, что записки пишутся исключительно для себя:

“...Гейне утверждает, что верные автобиографии почти невозможны, и человек сам об себе наверно налжет. По его мнению, Руссо... непременно нагал на себя в своей исповеди... Я же пишу для одного себя”... (Достоевский);³ “...она (исповедь) — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям” (Лермонтов).⁴ В заключении повести Достоевского, как и в предисловии к роману Лермонтова, особо оговаривается, что портрет “антигероя” составлен из пороков всего поколения. Кроме того, и это особенно важно подчеркнуть в данной статье, автор повествования в обоих произведениях подчеркивает естественность героя, жизненность ситуаций в противовес всему книжному: “...мы все отвыкли от жизни, все хромаем (это может быть аллюзия на “хромого” Байрона, тип романтического героя)... Ведь мы до того дошли, что настоящую “живую жизнь” чуть не считаем за труд, почти что за службу, и все мы про себя согласны, что по книжке лучше” (Дост. V. 178); “...ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина?” (Лерм. IV. 8).

2. Вторая часть сопоставлений касается воссоздания Достоевским демонической личности. Аллюзии введены таким образом, что в читательском сознании невольно актуализируется образ Печорина, а также его монологи. Герой Достоевского, двадцати четырех лет, питающий особую ненависть к своему некрасивому лицу, считающий себя умнее всех, страдающий сплином, со сложным, переменчивым характером, безусловно напоминает Печорина. Сравним, например: “То и говорить ни с кем не хочу, а то до того дойду, что не только разговорюсь, но и вздумаю с ним сойтись по-приятельски” (Дост. V. 125); “...бывало, по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда как начнет рассказывать...” (Лерм. IV. 13).

Сопоставляя тексты “Записок из подполья” и “Героя нашего времени”, необходимо отметить типологическое родство монологов о страдании как об организующей душу человека страсти (Дост. V. 119, Лерм. IV. 92) и монолога о природе. Вспомним, как часто герой подполья восстает против законов природы, оправдывающих даже боль (Дост. V. 103, 105, 112). Вторая часть этих высказываний направлена против теории Чернышевского. Но данный мотив ассоциируется с романтическими теориями о природе как о мельнице смерти. И, в частности, у Лермонтова в дневниках (его записки, планы, сюжеты активно публиковались в то время) читаем: “Природа подобна печи” (Лерм. IV. 354).

3. Третий срез сопоставительного анализа текстов Лермонтова и Достоевского затрагивает тему снижения демонической личности. Например, в образе Зверкова запечатлен тип Грушницкого. Достоевский вводит непосредственную аллюзию, упоминая об одной детали: "...он не решался начинать с женщинами, не имея еще офицерских эполет, и ждал их с нетерпением..." (Дост. V. 136). Зверков частично соотносится и с образом Печорина. Вспомним ироничный тост Подпольного человека: "...я выпью за ваше здоровье... Прельщайте черкешенок, стреляйте врагов отечества" (Дост. V. 146).

4. Следующий тип, который раскрывается в произведении благодаря сделанной Достоевским сетке лермонтовских парафраз,— это тип романтика. Ключевым элементом в данном случае стала цитата из "Демона", а именно: "...все знать, все чувствовать, все видеть... Стараться все возненавидеть, и все на свете презирать..." (Лерм. II. 82). В "Записках из подполья" есть несколько вариантов этого монолога Демона: "...слишком сознавать — это болезнь..."; "То ли дело все понимать, все сознавать, все невозможности и каменные стены; не примиряться ни с одной из этих невозможностей и каменных стен... и, бессильно скрежеща зубами, замереть в инерции..." (Дост. V. 101, 106). Подобные высказывания у Достоевского, как и у Лермонтова, ведут к размышлениям о природе русского народа. Сравним: "У нас, русских, ...никогда не было глухих надзвездных... романтиков, на которых ничего не действует... Свойства нашего романтика — это все понимать, все видеть...; ни с кем и ни с чем не примиряться, но в то же время личем и не брезгать; все обойти, всему уступить..." (Дост. V. 126); "Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; ...это свойство ума... присутствие ...ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения" (Лерм. IV. 26). Это основная мысль Достоевского в оценке демонических и романтических типов. Поскольку, как мы видим, она также близка и Лермонтову, разрушается представление о Достоевском как критике лермонтовских типов, правильнее говорить о преемственности и глубоком понимании полисемичности созданного Лермонтовым романа.

Следующий раздел данной работы посвящен анализу природы и функционированию психологического эксперимента в текстах обоих писателей. Первый аспект этой проблемы связан с попытками самих героев расширить круг своего коммуникативного потенциала. Как правило, это люди, над которыми довлеет страх непонимания, отверженности. Лермонтовские герои воспринимают мир в ракурсе бинарных

оппозиций: добро — зло, страдание — наслаждение. В “Герое нашего времени” Печорин дает объяснение своим поступкам: “Я был скромник — меня обвинили в лукавстве: я стал скрытен; ...Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать” (Лерм. IV. 94). Это слова из “чужой роли”, и Печорин об этом знает. Его экспериментирование — игра по четким логическим правилам, где логика просто фикция. Герой Достоевского начитан, таким образом, он отрицает путь и логический, и литературный. Если попытаться определить Печорина и Подпольного человека как авторов одной формулы, то это будет выглядеть так: “...страдание дает понятие об удовольствии мучить другого”, — говорит первый. Следующий шаг — это удовольствие мучить себя самого. Ему отдает предпочтение герой Достоевского.

Второй аспект рассматриваемой нами проблемы состоит в неприязни писателями литературных штампов. Рассмотрим это на примерах конкретных ситуаций.

1. Исповедь, как правило, пишется для читателей: современников, потомков, для близкого человека. Исповедальное слово и Лермонтова, и Достоевского замкнуто на самом себе. В то же время оно представлено дискретно. Читатель, который должен осудить либо оправдать, присутствует, и, в то же время, дискредитируется.

2. Ситуация оскорбленного достоинства связана с мотивом “задавления лошадыми” и мотивом дуэли.

В первом случае Достоевский создает аллюзии: в романе Лермонтова “Княгиня Лиговская” чиновник Красинский попадает под тройку г-на Печорина. С этого момента он “раздавленный чиновник”. В трактуре его еще раз оскорбляют публично, но он отказывается от дуэли из-за большой матери. Затаив злобу, мечтает о мести. У Достоевского подобная история завершает психологический эксперимент Подпольного человека. В данном случае одно слово организует сюжет. В трактуре один офицер осадил героя повести: он просто переставил его с одного места на другое. Это была ссора не “приличная”, не “литературная”, и это в наибольшей степени огорчило Подпольного человека. Он следил за офицером, узнал его адрес, хотел вызвать на дуэль, но не смог: “...только попал ему под ноги... Офицера потом куда-то перевели; ... Что он теперь?.. Кого давит?” (Дост. V. 132). С таким же рвением Герой мечтал “раздавить” Зверкова, но сам остался “задавлен”. Что означает этот мотив? В придуманном романе он мечтал играть первостепенные роли, видел себя “на белом коне”. Его позиция “раздавленного” демонстрирует жизненную ситуацию в противовес литературной.

Отказ от дуэли совмещает в себе два сюжета: пушкинский и лермонтовский. После одного монолога Герой заявляет “...все это из Сильвио

и из “Маскарада” Лермонтова” (Дост. V. 150). Дуэль — это форма выяснения отношений с наиболее устойчивыми правилами поведения. Пушкинский Сильвио впервые нарушает эти правила. Он переносит право второго выстрела. Этот мотив выделен особо в “Записках из подполья”. Лермонтовский Арбенин делает следующий шаг: он игнорирует дуэль, оставляя пощечину неотомщенной (данный сюжет лейтмотивом проходит через все произведения Достоевского). Чиновник Красинский поступает так же, лелея мысль о какой-то особенной мести. Лермонтов “отменил” дуэль, она перестала быть литературным штампом. Поэтому, вероятно, Подпольный человек мечтает преимущественно о пощечине и о том, как ему “раздавить” Зверкова.

3. Любовное объяснение — одно из самых распространенных общих мест в мировой литературе. Герой Достоевского, как и Печорин Лермонтова, считает себя неспособным к любви. Кроме того, автор “Записок” создает непосредственные аллюзии: это две сцены из “Героя нашего времени”. Первая из них — объяснение Печорина с Мери, которая сама по себе уже разрушение известных читателю стереотипов. Воспроизведем диалог двух героев:

“ — Княжна, ...вы знаете, что я над вами смеялся?.. Вы должны презирать меня.

— Я вас ненавижу...” (Лерм. IV. 132).

Подпольный человек повторяет фразу своего литературного предшественника: “Так знай же, знай, что я тогда смеялся над тобой...” (Дост. V. 173). Но вместо ожидаемого “Я вас ненавижу” Лиза бросилась ему на шею. Его охватила истерика, и сцена могла кончиться примирением (в романе). В жизни иначе: “...штука была в том, что истерика должна же была пройти” (Дост. V. 175).

Вторая ситуация повторяет мотив погони Печорина за Верой. Герой Достоевского так же не догоняет Лизу. Вместо отчаяния оба испытывают облегчение, поскольку не чувствуют в себе силы дать любимому человеку ничего, кроме страдания. Сцена почти дословно повторяет ситуацию из романа Лермонтова (Дост. V. 178; Лерм. IV. 129).

Обобщив данные наших наблюдений, можно сделать следующие выводы:

1. В дополнение к контрастирующей можно выделить комплементарную функцию лермонтовского претекста в произведениях Достоевского.

2. Создание типа “антигероя”, как и у Лермонтова, предполагает дробление на отдельные сюжеты и характеры. Достоевский возводит к

лермонтовским типами романтические, демонические и псевдодемонические. Т. о., Демон, Печорин, Грушницкий, Красинский в сознании писателя соответствуют разным литературным рядам.

3. Феномен психологического эксперимента может рассматриваться в двух аспектах: с точки зрения поведенческой линии героя и с точки зрения поиска новых форм повествования в рамках традиционного литературного содержания. Изменение психологического восприятия определенных ситуационных данных влечет изменения в нарративной структуре текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Левин В. И. Достоевский, “подпольный человек” и Лермонтов / Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. XXXI, вып. 2. С. 142—157.
- ² Журавлева А. И. Лермонтов и Достоевский / Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1964. Т. XXIII, вып. 2. С. 386—393.
- ³ Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: В 30 тт. Т. 5. С. 178.
- ⁴ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 тт. М., 1975. С. 50.
- ⁵ Лукпанова Г. Г. О преломлении одного лермонтовского мотива в романах Достоевского / Научные доклады высшей школы. Филол. науки М., 1980/6. С. 22—27
- ⁶ Валагин А. П. Читал ли Достоевский “Княгиню Лиговскую?” / Достоевский Ф. М. Материалы и исследования. Т. 3. Л., 1978. С. 205—209.

Ихті Лі
Гвиденна Корел

ВІЛИВ М. В. ГОГОЛЯ У “БІДНИХ ЛЮДЯХ” Ф. М. ДОСТОЄВСЬКОГО

Відома розповідь про те, як Д. В. Григорович, який раніше за Ф. Достоевського виступив у літературі, поніс рукопис “Бідних людей” М. О. Некрасову, як вони просиділи за цим романом всю ніч, захоплюючись і плачучи від захвату, як вони в чотири години ранку розбудили Достоевського, поспішаючи поздоровити його зі славою.

Таким чином, перший роман Ф. М. Достоевського — “Бідні люди” — з’явився у 1846 році у “Петербурзькій збірці”, яка була видапа

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. Т. Г. ШЕВЧЕНКО
НАН УКРАИНЫ

КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

КАФЕДРА ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Русская литература. Исследования
Сборник научных трудов

ДОСТОЕВСКИЙ
и XX ВЕК

Выпуск II

Киев — Логос — 2000

ББК 83.34РОС1
Д70

*Книга из серии,
посвященной празднованию 200-летнего юбилея
А. С. Пушкина в Украине*

Редакционная коллегия:

*д-р филол. наук, проф. КОРЗОВ Ю. И. (главный редактор),
акад. НАН Украины, д-р филол. наук, проф. ДЗЕВЕРИН И. О.,
чл.-кор. НАН Украины, д-р филол. наук, проф. КРУТИКОВА Н. Е.,
д-р филол. наук, проф. МАЗЕПА Н. Р.,
д-р филол. наук, доц. ШЕВЧЕНКО Л. И.*

Ответственный за выпуск — *д-р филол. наук, проф. КОРЗОВ Ю. И.*

Рецензенты:

*д-р филол. наук, проф. ПОДДУБНАЯ Р. И. (проф. кафедры русской
литературы Харьковского государственного университета);
д-р филол. наук, проф. СЛУХАЙ Н. В. (зав. кафедрой русского языка
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко)
д-р филол. наук, проф. ЗВИНЯЦКОВСКИЙ В. Я. (проф. кафедры
культурологии Института лингвистики и права).*

*Печатается по решению Ученого совета филологического факультета
Киевского Национального университета им. Тараса Шевченко
от 25 мая 1999 г., протокол № 10*

*Друкується за постановою Вченої Ради філологічного факультету
Київського Національного університету ім. Тараса Шевченка
від 25 травня 1999 р., протокол № 10*

© Институт литературы им. Т. Г. Шевченко
НАН Украины, 2000

© Киевский университет им. Тараса Шевченко
Кафедра истории русской литературы, 2000

© Филологический факультет, 2000

ISBN 966-581-172-X

СОДЕРЖАНИЕ

ДОСТОЕВСКИЙ И УКРАИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	3
Наенко М. К. Достоевський як критерій	3
Крутикова Н. Е. Отзывки Достоевского в романах В. Винниченко	5
ПОЭТИКА ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО	20
Поветкин Е. М. Трансформации образа Дмитрия Карамазова в романе М. Хвелевого “Вальдшнепы”	20
Храмова С. И. Свообразие художественной организации повести Ф. М. Достоевского “Белые ночи”	22
Чебанова О. Е. Исповедь в трактате. К вопросу о культурных истоках романной ситуации (Ф. М. Достоевский “Преступление и наказание”)	29
Свербилова Т. Г. Рецепция библейской книги Иова в романе “Братья Карамазовы”	33
Остапенко Л. М. Авторская картина мира в “Дневнике писателя” Ф. М. Достоевского (к постановке проблемы)	37
Корниченко О. А. Антиномия “конечность — бесконечность” как элемент философской системы в поэтике пейзажа Ф. М. Достоевского (“Преступление и наказание”, “Идиот”)	40
Савоськина Т. А. Поэтика “человека-двойника” в раннем творчестве Ф. М. Достоевского	42
Юрчук Е. А. Поэтика рассказов Ф. М. Достоевского (из “Дневника писателя”)	45
Святовец В. Ф. Ф. М. Достоевский об особенностях художественной подробности в творческом процессе	50
Астахова А. А. Карнавализация как общий исток смеха у Ф. М. Достоевского и В. Н. Войновича	56
ДОСТОЕВСКИЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	60
Харитоненко Е. И. Лермонтовский претекст в нарративной структуре “Записок из подполья” Ф. М. Достоевского	60
Инхі Лі. Вплив М. В. Гоголя у “Бідних людях” Ф. М. Достоевського	65
Киселева Л. А. Достоевский и русская культура серебряного века: некоторые ракурсы рецепции	69
Пахарева Т. А. Роман Достоевского “Идиот” и драма Гумилева “Гонимы” (общие мотивы и сюжетные ситуации)	75
Хоменко Л. И. Достоевский и петербургский миф А. Белого	79
Новикова Е. В. Мотивы Ф. Достоевского в прозе И. А. Бунина	82
Авдсева А. В. Образ Петербурга у Достоевского и Игоря Северянина (сравнительный анализ)	85

Романова Е. И. “Проклятые вопросы” Ивана Карамазова и религиозный поиск в русской литературе начала XX века	89
Кравец В. В. Достоевский глазами В. Хлебникова	91
Княшко Л. Н. Ф. М. Достоевский в художественном мире И. Шмелёва	93
Пароваткина А. М. Ф. М. Достоевский в восприятии А. И. Введенского	96
Карабут Л. А. Достоевский и Хармс: полемика или продолжение традиций?	101
Серда Т. А. Аллюзии и реминисценции произведений Ф. М. Достоевского в романе В. В. Набокова “Дар”	104
Степанов Н. С. Традиции Ф. М. Достоевского в сатире М. Булгакова	110
Бисвас Сом. Мотивы Достоевского в творчестве М. Булгакова	112
Клеофастова Т. В. Особенности социально-политического феномена революции: от “Бесов” Достоевского к “Красному колесу” Солженицына	115
Заярная И. С. Традиции художественно-документального повествования Ф. М. Достоевского в прозе А. И. Солженицына (“Записки из Мергвого дома” и “Архипелаг ГУЛАГ”)	117
Мережинская А. Ю. Ф. М. Достоевский в зеркале современной постмодернистской прозы	123
Красина О. А. Традиции Ф. М. Достоевского в произведении Д. Галковского “Бесконечный тупик”	135
Тимергалеева Е. А. Традиции Ф. М. Достоевского в романе Н. Нарокова “Мнимые величины”	138
ДОСТОЕВСКИЙ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА	141
Беляева Н. В. Источниковедческие аспекты проблемы “Достоевский и Гофман” в отечественной русистике	141
Нефедова Т. М. Эдгар По и Ф. М. Достоевский (Один из аспектов типологической общности)	146
Опищенко А. В. Ф. М. Достоевский и польский модернизм (“Бесы” Ф. М. Достоевского и “Дети Сатаны” Ст. Пшибышевского)	148
Рошко М. М. Идея жертвенности в романах “Идиот” Ф. Достоевского и “Полет над гнездом кукушки” К. Кизи	151
Руссова С. Н. Достоевский и современная японская литература	153
ДОСТОЕВСКИЙ И ТЕАТР	157
Росовецкий С. К. Ф. М. Достоевский как режиссер спектаклей “народного театра” и его исследователь	157
Корзов Ю. И. Об одной тенденции в освоении наследия Ф. М. Достоевского современным театром	163

Тесля В. И. Творчество Ф. М. Достоевского в художественных поисках Ингеборг Бахман (либретто балета-пантомимы по мотивам романа “Идиот”).....	169
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО	172
Княжук О. П. Про літературне передбачення Ф. М. Достоевського	172
Чернявская В. В. “Закон” и “Благодать” в философии Ф. М. Достоевского	175
Щелнигина Л. Н. Экстериоризация бессознательного у Ф. М. Достоевского	177
Старченко Т. В. “Мужик Марей” Достоевского: христианская идея и “нравственное перерождение человека”	179
Куземский В. С. Роман “Преступление и наказание” Ф. М. Достоевского и графический анализ эпического произведения в школе	181
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО	188
Карпенко М. А. Интимизация в художественной прозе: авторское повествование романа Ф. М. Достоевского “Идиот”	188
Аргыкуца Н. В. Глаголы чувства в тексте произведений Ф. М. Достоевского	200
Карпенко М. А., Маймескул Е. А. Текстобразующие функции нетранслитерированных иноязычных элементов в художественной прозе Ф. М. Достоевского	204
Дядечко Л. П. Крылатые слова Достоевского (дополнение к сборнику Н. С. и М. Г. Ашукиных).....	213
ПРИЛОЖЕНИЕ	218
Булаховская Ю. Л. Еще одна загадка для исследователей жизни и творчества Достоевского?	218

Русская литература. Исследования
Сборник научных трудов

ДОСТОЕВСКИЙ и XX ВЕК

Выпуск II

Технический редактор *М. С. Чабан*
Корректор *Е. С. Мирзамухамедова*
Компьютерная верстка *С. Я. Козьмана*

Подш. в печать 23.05.2000. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офс. Гарнитура “Таймс”.
Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 16,1. Тираж 200 экз. Зак. 4.

Издательство “Логос”
01030, Киев-30, ул. Богдана Хмельницкого, 10